САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПАЛЕЕВА Наталья Владимировна

КОНСТРУИРОВАНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЕГО "ДРУГИЕ" В 1860-1917 гг.

Специальность 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

Автореферат на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Санкт-Петербург
2006

Диссертация выполнена на кафедре социологии и политологии социологического факультета Самарского государственного университета.

Научный руководитель: Доктор философских наук, профессор **МОЛЕВИЧ Евгений Фомич**

Официальные оппоненты: Доктор политических наук, профессор, **ПОПОВА Ольга Валентиновна**
Кандидат политических наук, доцент **ДУКА Александр Владимирович**

Ведущая организация: Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена

Защита состоится «15» февраля 2007 года в 16 часов на заседании диссертационного совета К.212.232.10 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, факультет философии и политологии СПбГУ, аудитория 141, факультет философии и политологии.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «10» января 2007 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат социологических наук, доцент Абгаджава Д.А

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Стремление сообществ разделять мир на "Своих" и "Чужих" будет всегда. Критерии дифференциации, представляющие всю палитру человеческих взаимоотношений, могут изменяться, но суть останется одна и та же, - индивиды, по тем или иным признакам отличают таких же, как "Я" от тех, кто таковым никогда являться не будет. Какие-либо конкретные качества "Своих", при этом, формируются, как правило, на основании отличия от ' не-нас".

Потребность человека в подобной поляризации мира с успехом использовалась и используется властью в собственных целях. Властью как современной, так и советской, и дореволюционной. В ситуациях внутри- или внешнеполитических кризисов, с целью сплочения общества и повышения авторитета власти образ "Чужого" (или "Другого") наиболее актуален, так как именно на него возможно направление всей имеющейся в обществе агрессии, по отношению к нему возможно формирование образа "Себя".

Современная Российская Федерация переживает один из критических моментов в своей истории, когда в условиях социальной модернизации и демократического транзита формируется новый, уникальный этнополитический ландшафт. Вследствие этнополитической этнодифференциации политическая сфера усложняется, на политическую сцену выходят новые акторы этнополитики. В данных условиях федеральной властью предпринимаются попытки формирования новой государственной идентичности, способной заменить, в общественном сознании, идентичность советскую и, таким образом, сплотить новое, уже не советское, общество. И в первом, и во втором случае, идентичность конструировалась и конструируется на основе обозначения для общества тех или иных "Других", по отношению к которым "Мы" способны создать представление о "Себе". В советский период, например, для подобных целей использовались страны Западной Европы.

Аналогичные процессы происходили и во второй половине XIX века, когда перед властью стояли подобные задачи объединения общества, локализации и, по возможности, снятия общественного напряжения и агрессии, путём направления их на другие этнические группы. Механизмы выделения, закрепления и актуализации групп "Других", на наш взгляд, с тех пор изменились мало.

Следовательно, чтобы лучше понять процессы, происходящие в современном обществе, необходимо обратиться ко времени их возникновения и первого применения – второй половине XIX – началу XX века.

Таким образом, актуальность исследования определяется, во-первых, научной недооценкой дореволюционных этнополитических процессов; во-вторых, необходимостью изучения специфики конструирования властью "непринимаемых" групп населения, отделяя, при этом, группы "Других" от групп "Чужих"; в-третьих, изучение дореволюционной российской специфики конструирования категорий "Других" позволяет лучше понять и проанализировать аналогичные процессы, происходящие в современном обществе, специфику формирования конструкта "русскости", выработать практические рекомендации по возможному предотвращению неизбежных негативных последствий, спровоцированных самим фактом выделения групп "Других" и конструирования представлений о "Себе".

Степень разработанности проблемы. На сегодняшний день проблема конструирования русского националистического дискурса и выделения в нём групп

"Других" является недостаточно разработанной. Несмотря на то, что теми или иными межэтническими взаимодействиями занимается целый ряд исследователей самых разных направлений (начиная от историков и заканчивая имагологами), эмпирического наполнения исследуемой нами проблемы довольно мало. Интенсивно исследуется смежная проблематика, относящаяся к различным аспектам взаимодействия (как правило, на примере конкретного региона) "коренных" и "пришлых" групп, миграционная политика.

Изучаемая проблема находится на стыке нескольких дисциплин, так или иначе принимающих участие в её изучении. Политология, история, социология, психология и имагология, с разных ракурсов отражают происходящие в национальной сфере процессы. Мы остановимся на работах политологов, социологов и исследователей, принадлежащих к смежному, историко-политологическому направлению.

Исследования российских и зарубежных политологов и социологов, так или иначе поднимающие этнические проблемы, можно разделить по трём основным теоретико-методологическим направлениям, в которых примордиалистские концепции рассматриваются в оппозиции к конструктивистским и инструменталистским подходам.

С точки зрения примордиализма (Л. Гумилев[1], М. Мнацаканян[2], Р. Шпрингер, А. Элез, Р. Абдулатипов, П.Л. Ван ден Берг, Ю. Бромлей[3], Дж. Вико, Л. Градовский, К. Кван, В. Козлов[4] и др.) этничность, восприятие собственного "Я" как индивидуума, наделённого определёнными морфологическими или культурными особенностями, рассматривается как объективная данность, изначальная характеристика человечества. Следовательно, все основные признаки этноса (в том числе и общие традиции, история, экономика, а также "психологический склад"[5]), даны изначально и не могут возникать благодаря чьей-либо воле (в том числе, и по воле правительства). Группы отличных от "меня" индивидуумов, таким образом, присутствуют благодаря этой же логике.

Конструктивистский подход (Б. Андерсон[6], Э. Геллнер[7], Дж. Беннет, В. Михайлов, Л. Снайдер, А. Сусколов, В. Тишков[8], Л. Дробижева[9], В. Малахов[10], А. Шнирельман, Г. Зиммель[11], П. Бергер, Т. Лукман[12] и др.) главным в формировании образа собственного "Я" (этнической общности, нации) и групп "Других", считают усилия политиков и интеллектуалов, создающих особые смысловые конструкты, транслируемые, далее, всему обществу. Следовательно, чувство принад-

---

[1] Гумилёв Л Н Этносфера История людей и история природы М , 1993

[2] Мнацаканян М О Нации психология, самосознание, национализм (Интегральная теория) М , 1999

[3] Бромлей Ю В Очерки теории этноса М , 1983.

[4] Козлов В Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. 1996 № 6

[5] Понимаемый как «застывшая история» (Ж Э Ренан, О Бауэр)

[6] Андерсон Б Воображаемые сообщества. М , 2001

[7] Геллнер Э Нации и национализм / Пер с англ Т.В. Бердиковой и М К. Тюнькиной /Ред и послесл И.И Крупника М , 1991.

[8] Тишков В А Очерки теории и этничности в России М , 1997.

[9] Арутюнян Ю В , Дробижева Л М , Сусколов А А. Этносоциология. М , 1998

[10] Малахов В С Что значит «мыслить национально»? Из истории немецкой и русской мысли первой трети XX века // www ruthenia ru/logos/number/2001 5_6/01 htm

[11] Зиммель Г Как возможно общество? // Георг Зиммель Избранное Том 2 Созерцание жизни – М Юрист, 1996

[12] Бергер П , Лукман Т Социальное конструирование реальности Трактат по социологии знания М., 1995

лежности к той или иной этнической группе воспринимается как нечто "театральное" и способное, вследствие смены властных интересов, измениться.

Согласно инструменталистам (К. Вердери[13], П. Брасс, Г. Беккер, И. Гофман[14], М. Диган, А. Коэн, Э. Линд, К. Янг, М. Розенберг, М. Эсман, Дж. Ротшильд, Н. Скворцов, А. Стосс, Р. Тернер, А. Родз и др.) любые манипуляции с национальными чувствами, будь то создание представление о "своей" группе или формирование категории тех, кто к ней не принадлежит, осуществляется "этническими антрепренёрами", стремящимися к достижению дефицитных благ: власти, престижа, статуса, собственности, преференций и т.д.

Большинство работ, так или иначе затрагивающих различные аспекты исследуемой нами проблемы, являются, как правило, историко-политологическими и появляются только в 80-х – 90-х годах XX века. Таковы, например, исследования В. Хорева[15], М. Долбилова[16], О. Будницкого, Р. Циунчука, Е. Правиловой, В. Кравченко, Т. Яковлевой, А. Миллера[17], Д. Сталюнаса, С. Токь, А Новака и др., исследовавших проблемы взаимоотношения России со своими "национальными окраинами" (Польшей, Украиной, Белоруссией) в различные дореволюционные периоды и включавших их в систему внутри- и внешнеполитических отношений Империи, а также сопоставляющих процессы, протекающие в России с аналогичными в странах Западной Европы.

Помимо указанных направлений исследований, анализировались и смысловые конструкты, употребляемые в дискурсе о том или ином этносе. Так, например, довольно подробно разрабатывалась идеологемы "врага"[18] и "инородцев"[19], как правило рассматриваемые в самом широком контексте и зачастую включающие в себя все группы, не принадлежащие к категории "Мы".

Исследованиям национальных вопросов в конкретном регионе во второй половине XIX века посвящены, например, работы В. Рабиновича[20], исследовавшего еврейские общины в Сибири и на Дальнем Востоке; М. Членова[21], рассматрив-

---

[13] Вердери К Куда идут "нация" и "национализм"? // Нации и национализм М ,2002 С 297-307

[14] Goffman E Presentation of Self in Everyday Life Garden City, N Y Anchor, 1959

[15] Хореев В А Польша и поляки глазами русских литераторов Имагологические очерки М , 2005

[16] Долбилов М. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг // Образ врага / Сост. Л Гудков, ред Н Конрадова. М , 2005 С 127-174

[17] Миллер А Империя Романовых и национализм Эссе по методологии исторического исследования М , 2006

[18] Гудков Л Идеологема "врага". "Враги" как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / Сост Л Гудков, ред. Н Конрадова. М , 2005. С 7-79 , Смит Д У истоков русской массонофобии // Образ врага. / Сост Л. Гудков, ред Н. Конрадова М., 2005 С 80-101.

[19] Слокум Дж У Кто и когда были "инородцами"? Эволюция категории "чужие" в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии Работы последних лет Антология / Сост П Верт, П С Кабытов, А И Миллер М , 2005 С 502-534 , Слёзкин Ю. Естествоиспытатели и нации русские учёные XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии Работы последних лет Антология / Сост П Верт, П С Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005 С 120-154 ; Верт П.В От "сопротивления" к "подрывной деятельности". власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии Работы последних лет Антология. / Сост П Верт, П С Кабытов, А И Миллер М., 2005 С 48-82 , Хаген М. История России как история империи перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет Антология. / Сост. П Верт, П С Кабытов А И Миллер М , 2005 С 18-47., Петровский-Штерн Й "Враг рода человеческого": антинаполеоновская пропаганда и "Протоколы сионистских мудрецов". // Образ врага / Сост. Л Гудков, ред Н Конрадова М . 2005 С. 102-126

[20] Рабинович В Ю Евреи дореволюционного Иркутска. меняющееся меньшинство в меняющемся обществе Красноярск, 2002

[21] Членов М А Еврейство в системе цивилизаций (постановка вопроса) // "Диаспоры", 1999 № 1 С 34-57

шего еврейский вопрос в системе прочих национальных проблем и т.д.

Кроме того, большой популярностью пользуется изучение национальных проблем советского периода и современной России. Исследователи разрабатывают как проблемы осуществления различных советских национальных мифов и мифов перестроечного периода[22], так и националистический дискурс и проблемы национальной идентичности в современной России[23].

Национальные проблемы и конфликты, совершающиеся на территории Российской Империи, Советского Союза и современной России анализировали также и французские политологи и историки. Центральными темами в их исследованиях стали, к примеру, отношения между республиками современной России (главным образом – Татарстаном и Чечнёй) и ближним зарубежьем, а также наделение друг друга теми или иными "ярлыками"[24]. Ряд статей в журнале политики и экономики – "Politiques commerciales" посвящён отношениям на постсоветском пространстве. Исследования, так или иначе затрагивающие национальные проблемы России в дореволюционный период, акцентируют своё внимание, преимущественно, на политике русификации, через призму которой рассматриваются взаимоотношения "русских" с другими этносами[25].

Таким образом, слабо изученными остаются вопросы различий конструктов "Другого" и "Чужого" (по отношению к сообществу "Мы"), механизмов конструирования властным дискурсом представлений о "Других" в дореволюционный период, создания представления о "Себе". Иногда, данные вопросы рассматриваются фрагментарно и в контексте более широких исследований. Специальных эмпирических исследований по проблеме изучения стигматизированных групп в дореволюционный период также не проводилось. Мало изучена и специфика отношений центра и полиэтничных регионов в дореволюционный и советский периоды.

Целью исследования является анализ стратегий конструирования властью дискурса о "Другом" и включение его в качестве основополагающего элемента анализа в дискурс о "Себе" ("русском", "православном" населении).

Задачи исследования. Достижение указанной цели предполагает постановку и решение следующих исследовательских задач:

1. Проанализировать сущностные характеристики и содержания феномена "Другого" и его отличия от "Чужого".
2. Раскрыть концепции Н. Лумана, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, С Жижека, Г. Зиммеля – как основополагающих при институциализации дискурса о "Другом".
3. Исследовать содержания конструкта "Другого" в дискурсе власти

---

[22] Митрохин Н Русская партия Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы М , 2003 , Кожинов В "Черносотенцы" и Революция (загадочные страницы истории). М , 1998

[23] Гишков В.А Очерки теории и этничности в России М , 1997., Мосейко А Н Мифы России Мифологические доминанты в современной российской ментальности М , 2003.; Малахов В С. Что значит "мыслить национально"? Из истории немецкой и русской мысли первой трети XX века // www.ruthenia.ru/logos/number/2001_5_6/01.htm; Арутюнян Ю В , Дробижева Л М , Сусколов А А Этносоциология. М , 1998.

[24] Radvanyi G Tempête politique en Russie // Le Monde diplomatique. 1999, juin P 10 // http www.monde-diplomatique.fr/1999/06/RADVANYI/12117, Couet Th Russie et nationalites // http //www.pedagogie.ac-toulouse.fr/histgeo/monog/histimm/russie/russie-2.htm

[25] Domin M-A Alexandre Mikhailovith, grand-duc de Russie Paris, Atlantica, 2004., Arrignon J-P. Russie vers 1550, monarchie nationale ou Empire en formation? Paris, 2005 ; Landry T La valeur de la vie humaine en Russie Lion, 2001

4. Проанализировать процесс конструирования властью представлений о "Себе"; феномен "русскости".

Объектом исследования является процесс конструирования русского националистического дискурса.

Предметом исследования являются особенности формирования во властном дискурсе дореволюционной России (1860 – 1917 гг.) представлений о группах "Других", а также конструирования, на основе их, представлений о "Себе".

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют идеи известных зарубежных (П. Бергера, Т. Лукмана, А. Шютца, Т. Парсонса, Г. Зиммеля, Н. Лумана, Ю. Хабермаса, М. Бубера, И. Ноймана, Т. Адорно, М. Хоркхаймера, С. Жижека и Дж. Томпсона) и отечественных (В. Кемерова, С. Никитина) политологов и социологов.

Поскольку исследуемая проблема носит во многом прикладной характер, для её всестороннего полноценного изучения, помимо теоретических конструкций, необходимы эмпирические данные.

Эмпирической базой исследования являются данные анализа материалов семи школьных учебников по русской и зарубежной истории и одного из правительственных журналов – "Русского Вестника" за 46 лет (с 1860 по 1906 г.) из 50-ти лет выхода журнала в свет. За исследуемый нами период было, таким образом, проанализировано 29 номеров. На каждый номер, в среднем, приходилось по 35 статей. Для вторичного анализа использовались опубликованные в научных изданиях статьи, касающиеся исследуемой нами проблемы в контексте изучения других вопросов.

Методы исследования. В диссертационном исследовании наряду с общенаучными методами и методами политического анализа, используются данные качественных социологических методов: дискурс-анализа учебников по истории и качественного контент-анализа материалов журнала "Русский Вестник". Результаты исследования журнала занесены в сводную таблицу.

Научная новизна исследования. Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Разделены понятия "Другой" и "Чужой", проанализировано содержание конструкта "Другой" и обоснована возможность его использования для обозначения некоторых этнических групп в дореволюционной России второй половины XIX – начала XX века.
2. Показана применимость современных политологических и социологических концепций для анализа националистического дискурса исследуемого периода.
3. Выявлены этнические группы, входящие в категорию "Других", проанализированы используемые по отношению к ним смысловые конструкты, а также их изменения во времени и в связи с теми или иными внутри- и внешнеполитическими событиями.
4. Определена категория "скрытых" "Других", установлены входящие в неё этнические и социальные группы, показана возможность эволюции представлений о ней и трансформации её в "явных" "Других".

Положения, выносимые на защиту.

1. Группы, относимые властью к категории "непринимаемых", не однородны, хотя различия между большинством из них довольно условны. Говоря об обществе дореволюционной России, было бы правомерно употреблять именно термин

"Другие" (не "Чужие" и не "Враги"), более "мягкий" по значению и дающих входящим в него этническим или социальным группам хотя бы потенциальный шанс стать "Своими". "Другие" – это группа, весьма сложно поддающаяся точному определению, границы её расплывчаты. Мотивы отнесения в данную группу весьма неоднозначны и, как правило, объясняются внутри- или внешнеполитическими событиями.

2. Для анализа властных конструктов, транслируемых обществу дореволюционной России, правомерно использовать материалы школьных учебников по истории и правительственную прессу, так как именно в них содержалась официальная точка зрения на события происходящие в стране и мнения относительно того или иного этноса, проживающего на её территории или за её пределами. Иного канала трансляции правительственной точки зрения, на тот период, не существовало.

3. Данные конструкты, передаваемые посредством учебной литературы и прессы, усваивались, таким образом, лишь образованными слоями. В процессе "восприятия" транслируемых идей, большинство населения участия не принимало. Властные конструкты были доступны последним лишь опосредовано и транслировались, преимущественно, через интеллигенцию.

4. Образ "Себя", формируемый на основе противоположения группам "Других", изначально несёт в себе тактику "хозяина", принимающего гостей ("Других") на "своей" территории. На первый план выходит метафора "дома".

5. Смысловые конструкты, используемые для характеристик этносов (поляков или евреев), были не однородны по содержанию. Они менялись в зависимости от ситуации в стране и в мире, что способствовало подобному же дополнению и расширению представления о "Себе". Усиление по отношению к первым негативных настроений, было, как правило, сопряжено с осложнением политической ситуации в стране. Чем сложнее складывалась обстановка, тем с бóльшей активностью пресса пропагандировала подобные настроения. Именно на "Других" она направляла агрессию общества, обвиняя в большинстве трудностей и неприятностей, совершающихся в стране.

6. Наряду с группой "явных" "Других" присутствуют и "скрытые Другие", часто встречающиеся в текстах, но становящиеся "подозрительными" и потенциально "недружелюбными" исключительно в сочетании с первыми. "Скрытые Другие" служат своеобразным резервом, к которому можно обратиться в случае необходимости (например, в той или иной кризисной ситуации), перевести их в разряд "явных" и направить на них негативные общественные настроения, стабилизировав, по возможности, внутриполитическую ситуацию.

7. В группу "Других" не попадают жители Кавказа. Несмотря на то, что именно в это время велась война за подчинение данного региона, на материалах прессы это никак не отражалось. Несмотря на то, что полноценное объяснение данного факта требует самостоятельного исследования, вероятно, данную этническую группу просто не имели возможности отнести в категорию "Других". Слишком актуальны были созданные ранее в литературе образы жителей региона. Любые негативные конструкты, могущие быть использованы по отношения к ним, равно как и отнесение их в группу "Других", были недейственны.

Практическая значимость исследования. Содержащиеся в данной исследовательской работе положения могут быть использованы системе государственно-

го и муниципального управления, в виде рекомендаций по нормализации обстановки в полиэтнических регионах и предотвращения негативных последствий активной государственной политики, направленной на формирование национального самосознания. Наконец, результаты исследований могут быть востребованы при разработке и преподавании курсов по Политологии, Этнополитологии, Этнополитики, Этносоциологии, а также некоторых разделов Истории России.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования представлялись на научно-практических конференциях: "XXI век: новые горизонты гуманитарных наук" (Самара, 2004 г.), "Россия и мир: глобальные интеграционные и дезинтеграционные процессы" (Казань, 2004 г.), "Государство и общество: философия, экономика, культура" (Москва, 2005 г.), Международном социальном форуме (Москва, 2005 г.), а также на курсах по Этносоциологии (Казань, Москва, Санкт-Петербург, 2005 г.) и Социальной антропологии современного общества (Саратов, 2005 г.). Диссертация обсуждалась на кафедре социологии и политологии социологического факультета Самарского государственного университета.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, анализируется степень её изученности, определяется объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрывается её методологическая основа, показывается научная новизна, практическая значимость и структура работы.

Первая глава "Проблема конструирования общественного дискурса в теоретических исследованиях" посвящена рассмотрению и анализу основных для современной этнополитологии и этносоциологи теоретических подходов к конструированию общественного дискурса. Также в первой главе разделяются конструкты "Другой" и "Чужой", анализируются теории, исследующие данное явление, приводится характеристика анализируемой в диссертационном исследовании группы "Других".

Первый параграф "Теоретико-методологические принципы исследований о "Других". Разделение "Других" и "Чужих"" посвящён выявлению различных контекстов и теоретико-методологических подходов к определению "Других" и "Чужих". Анализируются разные теории, начиная от ставящих знак равенства между группами, и заканчивая чётко их разделяющими, приводящими некоторые, присущие каждому явлению, черты.

Сама постановка данной проблемы становится возможной лишь в период зарождения постнеклассической познавательной парадигмы, т.е. – в XX веке, делающей возможным, по мнению автора, разработку проблем идентичности, благодаря которым и начинают исследоваться вопросы происхождения и существования категорий "Другого" / "Чужого" населения.

Явления "инаковости" ("другости") и "чуждости" изучались целым рядом современных учёных. Социальные конструктивисты и феноменологи (А. Шютц, Н. Луман, Б. Андерсон, Б. Вальденфельс, П. Бергер и Т. Лукман и т.д.), чьи концепции широко распространены в современной науке, стремились, по сути, отве-

тить на один вопрос: в результате чего в общественном сознании появляются образы "Себя" и "Других". Исследователи, принадлежащие к принимаемому нами конструктивистскому подходу, считали идентичность конструируемым феноменом, как, впрочем и то, "отталкиваясь" от чего она конструируется (явления "Других" и "Чужих"), расходясь лишь в их источниках. По мнению указанных социологов, мир носит знаковый характер, которые каждый способен воспринимать и использовать по-своему.

Через символы ("образы"), созданные самими людьми, они (люди) и познают этот мир (Г. Келли). Благодаря данному познанию, индивиды его, фактически, конструируют (П. Бергер, Т. Лукман).

Согласно Дж. Г. Миду, тот или иной существующий символ есть результат взаимодействия индивида со средой. С точки зрения А. Шютца, "Мы" и "Они" группы формируется посредством коммуникации индивидов. Именно таким образом и возникает "Мы"-группа, в которой индивид чувствует себя "Своим" и как дома и "Они"-группа – иная, в которой сложно понять её членов, из-за чего, по мнению исследователя, и возникает опасение и недоверие.

П. Бергер и Т. Лукман, связывают возникновение "идентичности" с взаимосвязью "индивида и общества", показывая, что любые, принимаемые обществом решения следуют из диалектической взаимосвязи первых двух категорий.

Члены "Другой" группы используют собственные знания, руководствуются схожими принципами, имеют свою собственную шкалу измерения значений и социальных объектов. Благодаря этому они значительно отдаляются от остальных групп, являющихся для них "внешними" и мало понятными.

С приведённой точкой зрения трудно согласиться, так как "непринимаемые" группы для общества конструирует сама власть, а, отнюдь не общество. Данное утверждение аргументируется результатами осуществлённого диссертационного исследования.

Раскрытие конструкта "Другого" и его отличия от "Чужого" продолжается на материале концепции Г. Зиммеля, показывавшего, что наше "Я" определяемо "Другим", ибо только по отношению к кому-либо, какой-либо стороне, возможно формирование представления о "Себе". "Чужой" и "Другой", наделяясь рядом чётких характеристик, при этом, у исследователя сливаются.

Выделяя из теории Г. Зиммеля перечень черт, присущих категории "иного" населения, автор переходит к концепции Б. Вандельфейса, предпринимая попытку на основании его исследований разделить оба конструкта. Благодаря анализу его взглядов, "Чужие" становятся своеобразной "крайней формой" "Другого", представленного куда более близким к "Нам". Вследствие осуществлённого анализа, "Другие" становятся ещё более конкретным образом.

В заключительной части параграфа приводятся взгляды на конструкты "другости", "чуждости" и "инаковости" российских и зарубежных философов, рассматривавших их, например, в контексте взаимного обмена бытием и, опять же, проясняющих и дополняющих представление о них.

Второй параграф "Институциональное формирование "Другого". Историческое изменение каналов воздействия" посвящён способам трансляции властью представлений о "Другом". Придерживаясь принятого в исследовании конструктивистского подхода, рассматривается ряд социологический концепций, каждая из которых привносит нечто новое в средства данной "трансляции".

Концепция Н. Лумана адекватна, на взгляд автора, изучаемой ситуации (даже несмотря на более позднее её происхождение). В качестве основного способа распространения властных конструктов она предполагает средства массовой информации, предлагающие обществу "готовые" для восприятия смысловые коды. При этом, действие первых на общественные массы опосредовано образованной его частью – интеллигенцией. Подобные положения вписываются в ситуацию, сложившуюся в дореволюционной России, когда все властные решения доходили до общества не напрямую (ввиду практически массовой неграмотности) а были опосредованы той же интеллигенцией.

Теорию Н. Лумана дополняют исследования представителей Франкфуртской школы, - Т. Адорно и М. Хоркхаймера, признающими, что все мнения и настроения, имеющие место в обществе производит власть. Средства, используемые ей для подобных действий, могут быть различны (например, масс-медиа, СМИ, культура), но задача всегда одна, - заставить общество мыслить более стереотипно, "по правилам", лишив его, следовательно, какой бы то ни было "индивидуализации" и превратив в "массу", толпу. Посредством указанных каналов транслируется и представление о "Других".

По М. Хоркхаймеру, кроме культуры и СМИ, агентом властного влияния является также критически мыслящая интеллигенция, способная, в силу возможности рефлексии, дистанцироваться от общества и независимо от него осмыслить предлагаемые властью конструкты, чтобы затем транслировать их другим слоям общества.

Проблема институционального формирования в обществе представления о "Другом", поднимается и в работах словенского исследователя Славоя Жижека, указывавшего на идеологию как на способ трансляции властных конструктов. Идеология стремится стать для человека своеобразной "картиной мира", определять его подведение и предлагать ему для его деятельности некие, готовые стратегии. К числу таковых относится и представление о других социальных и этнических группах.

Проанализированные концепции дополняет теория Джона Томпсона, ключевым моментом которой является выделение особого типа власти, - власти символической, подконтрольной официальной власти (а в период средневековья ещё и церкви) и осуществляющей своё влияние посредством печатной продукции (газет, журналов, учебников и научных изданий), которая и транслирует в общество "нужные" "заказчикам" мнения.

Параграф заканчивается теорией И. Нойманна, также признающего, что дискурс о "Другом" конструируется исключительно властью.

Таким образом, результатом анализа теоретических концепций стали следующие положения:

1. Современные политологические и социологические теории могут быть использованы для объяснения процессов, происходящих в Российской Империи во второй половине XIX – начале XX века. Так, например, конструкт "Другого", как и его содержание, предложенное рядом исследователей, отвечает ситуации, сложившейся в сфере межэтнических отношений в исследуемый нами период. Каналы трансляции официальной точки зрения, - СМИ и учебная литература эффективно использовались и до революции.
2. Трансляция властных конструктов заканчивается (и ограничивается) уровнем

интеллигенции - наиболее образованной части общества и способной к восприятию и дальнейшей передаче информации.

3. Сформулированный образ "Другого", довольно мобилен и не всегда постоянен. Порой довольно условно отделяя его от категории "Чужих", ряд исследователей относит оба понятия в своеобразную группу "не Нас", наделённую рядом универсальных черт.

Таким образом, в первой главе автор предпринимает попытку адаптировать, с некоторыми допущениями, современные социологические концепции под реальность дореволюционного времени, показав, что механизмы конструирования официального дискурса с тех пор если и изменились, то весьма не значительно.

Вторая глава "Репрезентация "Других" в политическом дискурсе Российской Империи 1861-1917 гг. (на примере анализа политической прессы и материалов учебников по истории)" посвящена эмпирическому анализу конструкта "Другого". Для изучения данной проблемы автором были осуществлены два социологических исследования – качественный контент-анализ правительственной прессы (журнала "Русский вестник") и дискурс-анализа школьных учебников по российской и зарубежной истории. Выбор указанных источников обусловлен принятой в исследовании конструктивистской парадигмой, а также тем фактом, что именно в печатной прессе и учебниках лучше всего отражаются конструируемые для общества стереотипы, посредством них формируется общественное мнение.

В первом параграфе "Образ поляков как "Других"" рассматривается одна из составляющих образа "Другого" – жители Царства Польского, которым, по сравнению с еврейским населением (также входящим в конструкт "Другого") уделяется на страницах печати значительно больше места.

Центральное место в дискурсе о поляках занимает "охранная" стратегия, придающая этносу статус "гостей", должных соблюдать все правила поведения, предписываемые "Нами" ("великороссами"), находящимися, следовательно, в статусе "хозяев".

В рамках охранной стратегии довольно чётко звучит метафора "дома" – "нашего", великорусского государства, интересы которого "Мы" призваны охранять, так как являемся безусловными "хозяевами" в нём. Поляки же "нарушают правила" во всём, - начиная от нежелания отказываться от католической веры и польской культуры и заканчивая стремлением "на нашей территории" устанав..ивать "собственные правила". Последнее не только противоречит популярной метафоре "дома", но и придаёт образу польского населения очередную характеристику – "неблагодарность". Собственного дома у жителей Польши нет и они вынуждены "пользоваться" "нашим" домом, "гостить" в нём. Но даже в этой ситуации, вместо благодарности, мы получаем ответную "недружескую" реакцию. Поляки не соблюдают установленный "порядок", не соответствуют "нашим" представлениям о них и об их "месте" у нас.

Однако, в польском дискурсе далеко не всё столь однозначно. Негативные конструкты о польском населении переплетаются с положительными характеристиками. Та же верность своим традициям и вере не всегда даётся со знаком "минус". При этом, относительно поляков (чего, к примеру, нельзя сказать о дискурсе по отношению к еврейскому населению) как правило, проводится чёткое социальное разделение, - на "простых граждан" и "панов" ("магнатов"). Чувство неприятия вызывают вторые, и редко – первые.

Несмотря на имеющие место "окатоличивания" и "ополячивания", поляки, тем не менее, "Другие", но отнюдь не "Чужие", так как у них сохраняется хотя бы потенциальная, но возможность приблизиться к "Нам". Кроме того, они значительно "роднее", чем жители стран Западной Европы, традиционно относимые к категории "врагов".

Дискурс о "Других" появляется вместе со сменой национального мифа (национального сценария), - в 60-е годы XIX века, и активизируется в зависимости от происходящих внешне- и внутриполитических изменений. Так, например, усиление его, вместе с некоторой сменой используемых конструктов, происходит, кроме момента зарождения, в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. и в начале XX века.

Завершая параграф, автор анализирует ещё один немаловажный и встречающийся порой на страницах исследуемых материалов, конструкт "скрытых Других" (казаки и татары), призванный выполнять ту же функцию, что и "явные Другие", - объединять общество, выступая своеобразным "резервом", к коему можно обратиться в случае непредвиденной ситуации и на кого можно направить агрессию населения.

Объединение составляющих конструкта "Других" (поляков и евреев), происходит в категории "инородцев", служащих своеобразным обозначением некоего союза, время от времени негласно заключаемого между этносами.

Развитие дискурсивных стратегий о "Других" происходит на примере еврейского населения, которому, в данном контексте, посвящён **второй параграф** – "Образ еврейского населения как "Других"".

Смысловые конструкты, используемые по отношению к данному этносу, очень похожи на польские с той лишь разницей, что негативные настроения звучат сильнее и в качестве определяющей характеристики и своеобразной стратегии используется не католическая вера, а одна из христианских заповедей, звучащая как "нестяжательство чужого имущества", отсутствие привычки к накопительству.

Также присутствует метафора "дома", - как и поляки, евреи "гости", но "гости", обладающие, в отличие от польского населения, той особенностью, что они не просто не имеют своего "дома", они "изгнаны" из всех "домов". Евреи – "изгнанники отовсюду", нигде не способные "прижиться". Как и поляки, они нарушают "Наши" порядки и не желают менять собственные "привычки".

Из этих качеств следуют все остальные их качества, среди которых как явно негативные ("страсть к ростовщичеству", "лживость", "скупость" и т.п.), так и способные восприниматься со знаком "плюс" (к примеру, знахарские таланты, предпринимательские способности).

Также, как и в случае с польским населением, дискурс об этносе напрямую зависит от изменения политической обстановки. Актуализация и усиление его приходятся на те же периоды, что и дискурс о поляках.

Присутствие позитивного дискурса, а также тот факт, что без них едва ли можно будет представить общество того времени (они стали его органичной чертой), позволяет говорить о них, как о "Других" а не "Чужих".

На основе образов польского и еврейского населения, в печати и учебной литературе формируется образ "Себя", наделённого всеми, положительными и противоположенными "Другим" качествами. Все недостатки "не нас" преобразуются в достоинства "великороссов".

Таким образом, на основании осуществлённых исследований можно сделать следующие выводы:

1. Польское и еврейское население, составляющее содержание конструкта "Другие", полностью соответствуют его теоретическим характеристикам. Они всегда для "Нас" плохо познаваемы, представляют собой внешний, по отношению к нам мир, представления о них, как правило, расплывчаты.

2. Националистический дискурс, осуществлявшийся в Российской Империи начиная со второй половины XIX века, конструируется через средства массовой информации и школьные учебники (преимущественно, по истории). Именно эти два типа источников доказывают свою эффективность при исследовании "Других" этнических групп в указанный период.

3. "Другие" служили своеобразным "зеркалом", глядя в которое "Мы" смогли создать представление о "Себе". Новые конструкты, используемые по отношению к первой группе, практически сразу отражались и на представлении о "Себе", давали нам новые качества. Усиление негативного дискурса о "Других" автоматически означало активизацию его в отношении "Нас". "Мы", в противоположность первым, становились ещё более "верующими" (православными), "справедливыми" по отношению к другим, "мужественными", "честными" и т.д. Кроме того, наличие групп "Других" способствовало и сплочению "нашей" общности, осуществлявшейся на основе объединения православного императора ("отца", "заступника" народа) и его народа ("покорного", во всем полагающегося на него и полностью доверяющего ему). Также необходимо отметить, что страны Западной Европы, попадая, скорее, в категорию "Врагов", а не "Других" и даже не "Чужих", подобным "зеркалом" стать не могли, так как являлись для нас чем-то весьма призрачным и недосягаемым. Сказывалось и то, что общей территории мы сними не делили, следовательно, даже на бытовом уровне представление о них составить не могли.

4. Дискурс о попадающих в указанную группу поляках и евреях, близок, главным образом, присутствием в них одной и той же охранной стратегии и метафоры "нашего" "дома".

5. Отдельную группу "Других" составляют так называемые "скрытые" "Другие" (в данном случае – татары и казаки), представляющие собой своеобразный "резерв" для "явных" "Других" и являющиеся также одним из условий конструирования образа "Себя".

6. Формирование образа "Другого" и, как очевидное следствие - представления о "Себе", приходящееся на 60-е годы XIX века – начало XX века, отвечает смене государственного мифа – с "европейского" и направленного на сближение со странами Западной Европы, на "национальный", направленный на актуализацию и укрепление собственной этнической и культурной самобытности. Все эти изменения происходят в начало царствования императора Александра II, однако сама личность нового императора в данной ситуации мало что решает. Процессы определяют осуществляемые в государстве реформы, сделавшие невозможным сохранение мифа прежнего, европейского.

Конструирование националистического дискурса, осуществляющееся во второй половине XIX века имеет ряд общих черт с нынешней ситуацией. Примерно этим же набором средств пользуется и власть современная, поставившая перед собой задачу создания новой общности "россияне". Так же, как и полтора века

тому назад, для общества обозначаются группы "Других", по отношению к которым "Мы" наделяемся рядом положительных качеств. Таковыми, на наш взгляд, вполне могут являться представители кавказских народов (в том числе, сравнительно недавно вошедшие сюда граждане Грузии), украинцы и белорусы, по отношении к которым в последнее время осуществляется весьма дву мысленный дискурс. В сравнении с ними, "Мы" выглядим куда более "честными", выступаем в роли защитников и сторонников мирного разрешения конфликтов. Кроме того, в современной России также присутствуют группы "скрытых" "Других", обращение к которым происходит вследствие усложнения внутриполитической обстановки (к таковым, на наш взгляд, относятся представители татарского этноса, граждане, исповедующие ислам, а также некоторые, сепаратистки настроенные лидеры национальных субъектов федерации, недоверие к которым автоматически отражается и на отношении к народу). Как и в середине позапрошлого века, в наше время, страны дальнего зарубежья, несмотря на то, что они для нас "Другие" априорно, в данную категорию не попадают и относятся либо к "друзьям", либо к "врагам". В нынешней Российской Федерации также, как и в изучаемый нами период, происходит смена властных сценариев. Отойдя от сценария советского и отказавшись от сценария западного, попытка осуществить который, на наш взгляд, предпринималась в период 1992-1996 годов, в обществе вновь началось конструирование сценария "национального", отчасти ожидаемого населением.

В ходе исследования был выявлен ряд вопросов, требующих своего дальнейшего изучения. К таковым, например, относится проблема Кавказа и весьма толерантного (а порой и дружеского) отношения к жителям региона, несмотря на совершающиеся в это время анти-сепаратистские войны. Необходимо, также, более полно и глубоко изучать стратегии формирования новой российской идентичности, существующие в современном обществе политические мифы, главным образом, с целью обозначении перспектив в области решения национальных вопросов. Одним из направлений исследований может стать изучение вариантов развития государств со столь же сильно выраженной "соборностью" для формулирования прогнозов развития государства собственного.

В заключении подводятся итоги данного исследования, обобщаются его результаты и формулируются выводы, следующие из представленного анализа, а также намечаются перспективы дальнейших исследований и возможности изучения стратегий конструирования русского националистического дискурса.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Проблема русского этнического национализма. // Социология сегодня: мозаика направлений, подходов и методов. Материалы Всероссийской научной конференции "XXI век: новые горизонты гуманитарных наук", посвящённой 15-летию социологического факультета Самарского государственного университета. Т. 1. Самара, Универс-групп, 2004. (0,3 п.л.).
2. Национальные проблемы в духовной жизни российского общества. // Традиционное, современное и переходное в российском обществе: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2004. (0,2 п.л.).

3. Происхождение и эволюция категории "инородец" в законодательных актах и печати второй половины XIX века. // Сборник научных трудов по материалам научно-практической конференции "Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития". Т. 2. Юридические и политические науки, государственное управление. Одесса, Черноморье, 2005. (0, 22 п.л.).
4. Русский этнический национализм: исторические корни и перспективы. // "Россия в начале XXI века. Проблемы, пути их решений, перспективы": круглый стол. Материалы круглого стола. 29 октября 2004 г. Самара, Самарская государственная академия культуры и искусств, 2005. (0,25 п.л.).
5. Конструирование "образа врага" в русском общественном сознании рубежа XIX – XX вв. // Актуальные проблемы современной науки. Труды 1-го Международного форума (6-й Международной конференции) молодых учёных и студентов. Гуманитарные науки. Ч. 40-42: Политология. Международные отношения. / Науч. ред. проф. А.С. Трунин, А.Н. Суворова. Самара, 2005. (0,2 п.л.).
6. "Образ врага" в русской общественной мысли рубежа XIX – XX вв. // Государство и общество: философия, экономика, культура. Доклады и выступления. / Под общ Ред. А.В. Бузгалина, А.И. Колганова. М., ЛЕНАНД, 2005. (0,2 п.л.).
7. Конструирование образа "Другого" в учебниках истории 1860-1917 гг. // Актуальные проблемы социального знания: сборник научных трудов преподавателей и аспирантов кафедры социологии и политологии социологического факультета. / Отв. ред. В.Я. Мачнев. Самара, Универс-групп, 2006. (0,95 п.л.).
8. Проблема конструирования общественного дискурса о "Себе" и "Других" в Российской Империи конца XIX – начала XX веков. // Вестник Самарского Государственного Университета. 2006. № 5/1. // http://www.ssu.samara.ru/~vestnik gum/content/soci.html (0,4 п.л.).

Подписано в печать 22.12.2006
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1. Тираж 100 экз.
Заказ № 424.

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»
199004, Россия, Санкт-Петербург,
В.О., Средний пр., д.24, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lema@mail.ru